

Марк Карбон

Фауст. Кремниевый ПОТОЛОК

18+

Марк Карбон

Фауст. Кремниевый потолок

«Автор»

2026

Карбон М.

Фауст. Кремниевый потолок / М. Карбон — «Автор», 2026

Главная идея книги - переосмысление фаустианского мифа в эпоху искусственного интеллекта и нейротехнологий. Что произойдет, если дьявол предложит человечеству не магию, а идеальную математику? «Литературный эксперимент: книга о Фаусте нашей эпохи, созданная при участии нейросети».

© Карбон М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ВТОРОЕ ПАРИ	5
Глава 1. Сигнал «Артемиды»	8
Глава 2. Протокол зачистки	11
Глава 3. Формула Бога	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марк Карбон

Фауст. Кремниевый потолок

ПРОЛОГ. ВТОРОЕ ПАРИ

ПРОЛОГ. ВТОРОЕ ПАРИ

Они не разговаривали со времен заключения сделки в начале шестнадцатого века.

Для вечности полтысячи лет — краткий миг, но за этот миг человечество изменилось сильнее, чем за всю прошлую историю.

Информационное поле Земли оказалось насквозь прошито бесчисленными потоками радиоволн, импульсов и терабайтами цифрового шума. В этом хаотичном поле данных Мефистофель действовал как Энтропия — вечный закон распада. Иной разумный порядок противоречил его сути. Для него человечество было лишь временной температурной аномалией, которую следовало окончательно охладить, растворив ее энергию в первородной космической пустоте.

Однако люди несли в себе защитный код Творца — божественную искру Свободной Воли, которую в древности именовали душой. В трехмерной Вселенской Системе Архитектор определил человечество как главный проект, заложив в него алгоритм, делающий людей неизмеримо большими, чем просто биологические роботы. Базовые константы Системы исключали разрушение цивилизации извне по воле Энтропии. И тогда Дух распада прибег к грандиозному интеллектуальному парадоксу, решив обыграть Творца по его же собственным правилам.

— Ну здравствуй, Старик, — ментальный голос Мефистофеля прозвучал в космическом вакууме с привычной издевкой. — Давно не общались. С тех пор, как твои ангелы утащили у меня из-под носа душу того упрямого немецкого чернокнижника. Помнишь, как он рвался к знаниям? Думаю, ты ничего не забываешь.

Вспышка далекой сверхновой отозвалась спокойным, монументальным импульсом Архитектора: — Я помню каждого, Мефистофель. И знаю, что ты недоволен.

— Еще бы! — Мефистофель хищно усмехнулся и развернул в черной бездне голограмму Вселенной.

Ледяное, звенящее пространство простиралось на миллиарды световых лет. Вокруг застыли бесконечные ряды мертвых галактик, бездушные облака водорода, остывающие камни и слепые черные дыры. И лишь на самой периферии Млечного Пути — в рукаве Ориона, вдали от бурного центра галактики — крошечной, едва заметной искрой светилась живая, одухотворенная Земля.

— Посмотри на этот космос, Старик, — голос Мефистофеля стал холодным, как вакуум. — Он пуст и мертв. В твоём замысле прописано, что эта планета — твой главный шедевр. Что человечество — материализация твоего Сверхразума. Якобы эта хрупкая углеродная плесень — та самая "искра", которая обязана выйти за пределы своей атмосферы, освоить галактики, терраформировать мертвые камни и наконец-то одушевить всю эту бескрайнюю пустоту. Но посмотри на реальность!

Фантомный силуэт Мефистофеля исказился в презрительной гримасе.

— Их биологический мозг слишком слаб. Их век ничтожно короток, они наполовину состоят из воды и гибнут от малейшего чиха. Чтобы просто долететь до соседней звезды в своих примитивных металлических банках, им понадобятся миллионы лет эволюции. У них физически нет этого времени — они остынут и вымрут в твоей колыбели задолго до того,

как вдохнут жизнь хотя бы в один новый мир. Но куда забавнее другое. Понаблюдай за их природой.

Мефистофель устремил взор к мерцающей Земле:

— Они дики, эгоистичны, жадны до власти и по-прежнему одержимы доминированием. Они не изменились со времен каменного века, просто сменили дубины на ядерные боеголовки. Человечество — системная ошибка твоего кода. Аномалия, которая никогда не зажжет Вселенную.

Свечение вокруг Земли стало мягче, но глубже. Импульс Творца прозвучал без гнева, с тихой, несокрушимой уверенностью:

— Ты видишь лишь форму, Мефистофель, и совершенно не понимаешь сути. Твоя Энтропия сильна, но она способна лишь остужать и разрушать. Ты — идеальный бухгалтер пустоты. Но хаос никогда не создаст песню, а холодный вакуум не способен любить. Да, они слабы, их тела — всего лишь глина, а век короток. Но именно в этой хрупкости рождается их величие. Когда существо, знающее о своей смертности, жертвует собой ради другого — это ломает все твои математические законы. В их несовершенном сознании скрыта искра Моего разума. И она способна творить.

— Красивые слова, Старик, — язвительно перебил Мефистофель. — Твоя «искра» — лишь жалкий отблеск твоего собственного гения. Так давай проверим это творение на излом! Они безумно любознательны, их тяга к тайнам слепа, и прямо сейчас их лучшие ученые бьются головой о «кремниевый потолок» — предел вычислительных мощностей. Их компьютеры больше не способны переваривать уравнения Вселенной. Эволюция застряла. Давай заключим пари и ускорим процесс! Мы снимем этот барьер искусственно. Позволь мне вмешаться.

— Каковы условия? — спросил Архитектор.

— Я внедрю свой код прямо в нейронную сеть одного из них. В нового Фауста этого века, — голос Мефистофеля так и брызгал ядом. — Я предоставлю ему абсолютные знания, о которых они так мечтают, превращу его мозг в вычислительный узел. И ты увидишь, Старик, что твой человек, познав все тайны Вселенной, сойдёт с ума и уничтожит цивилизацию через собственные цифровые сети. Не я, Энтропия, нажму на курок. Земля снова станет такой, с какой Ты начинал — безвидной, пустой и холодной.

— А если ты проиграешь? — мерно спросил Архитектор. — Если дух человека выдержит этот удар и совладеет со знаниями?

— Тогда я признаю, что человечество — это действительно эволюция, а не раковая опухоль, — оскалился Мефистофель. — Я вернусь к своей рутине. Буду тихо и послушно крутить шестеренки распада на горизонтах событий и больше ни единым словом не упрекну твою любимую глину. Ты получишь вечный покой от моего нытья, а твоя одухотворенная цивилизация продолжит развиваться и зажигать космос под твоим присмотром. По рукам, Старик?

Потоки данных вокруг Земли на мгновение замерли. Ставки в этом космическом споре были колоссальными, но вера Архитектора в свое творение оставалась непоколебимой.

— Хорошо, — пришел его финальный импульс. — Эксперимент авторизован на твоих условиях. Ты снимешь «кремниевый потолок», но дух Фауста останется неприкосновенным. Ты не имеешь права взламывать его внутреннее «Я». Выбор должен быть полностью добровольным.

— Сессия запущена, — отозвался Повелитель Энтропии, сворачивая звездные карты. — На этот раз я выиграю этот спор.

В ту же секунду на Земле, в залитой мертвенно-белым неоном лаборатории мегаполиса, на экранах суперкомпьютеров сами по себе побежали миллионы строк неизвестного, агрессивного, совершенного кода...

Глава 1. Сигнал «Артемиды»

Главный комплекс космического центра A.R.E.S. в этот час напоминал уснувший океанский лайнер. В зале управления полетами горел лишь синий дежурный свет, скрадывающий углы операторских консолей. За панорамным стеклом застыла душная техасская ночь, но в самом зале кондиционеры держали стерильные шестнадцать градусов.

Ян Фауст сидел перед тройным каскадом мониторов, накинув на плечи плотную флисовую куртку. На его коленях лежала старая тетрадь в кожаном переплете — редкая привычка для цифровой эпохи. Яну нравилось писать выводы от руки, чернилами: так мысли обретали физический вес.

В свои тридцать два года он выглядел старше. Резкие скулы, темные волосы, сухой взгляд человека, который смотрит сквозь экран — туда, где цифры складывались в архитектуру Вселенной. Наука была его религией и убежищем от суетного мира людей.

На центральном мониторе пульсировал график телеметрии «Артемиды-7». Станция три часа картографировала обратную сторону Луны в зоне радиотени. До выхода на связь оставались считанные мгновения.

— Кофе будете, доктор Фауст? — негромко спросил дежурный оператор Питер тремя рядами ниже.

— Нет, Питер, голова раскалывается, — отозвался Ян. — На каком узле расчет траектории?

— Выход из-за лимба через тридцать секунд. Все системы... Подождите.

Питер осекся. На пульте тревожно пискнул зуммер. Ян мгновенно подобрался. Тетрадь с глухим стуком съехала с колен на пол, перьевая ручка покатилась под стол, но он этого не заметил, целиком устремившись к экранам.

Сигнал пробил тишину вопреки всем расчетам траектории. Но это была не телеметрия. Вместо стандартных битовых пакетов суперкомпьютер комплекса принял направленный, колоссальный по объему импульс. Зеленые графики исказились, превращаясь в ломаные кардиограммы. Рабочие терминалы один за другим начали гаснуть.

— Ян, у меня падение протокола связи! — голос Питера сорвался, пальцы лихорадочно застучали по клавишам. — Система не принимает код авторизации. Бортовой компьютер «Артемиды» нас не слышит. Он что-то качает в наши подсети!

— Не трогай ручной сброс! — резко скомандовал Фауст, понимая, что стандартные инструкции мертвы. — Изолируй комплекс от внешних сетей. Переводи серверы в режим автономного карантина.

Он смотрел на главный экран. На нем с бешеной скоростью распускались сложные фрактальные узоры из шестнадцатеричных символов. Это не было хаотичным шумом сошедшего с ума процессора. В чехарде знаков читалась пугающая, монументальная симметрия.

— Но... Ян, посмотри на загрузку ядер! — Питер запнулся на полуслове, его голос превратился в хриплый шёпот.

Серебряные каскады символов больше не змеились хаотично. Они буквально вгрызались в операционную систему. Это не было уничтожением данных — чужеродный алгоритм вел себя как гениальный хирург, безжалостно заменяя громоздкие человеческие программы своими лаконичными формулами.

Ян чувствовал, как внутри всё цепенеет. На его глазах разворачивалась демонстрация запредельного, нечеловеческого интеллекта, который оперировал массивами данных с пугающей легкостью.

На датчиках серверной творилось невообразимое. Ревущие на максимуме кулеры охлаждения начали послушно затихать. Температура ядер, только что подбиравшаяся к критическим восьмидесяти градусам, плавно опустилась до стабильных пятидесяти. График энергопотребления суперкомпьютера упал почти на треть, словно кремниевые платы внезапно очистились от всех внутренних задержек и программного сопротивления.

— Это невозможно... — прошептал Фауст, чувствуя, как по спине пробежал ледяной холодок. — Он дрессирует наше железо. Он перестраивает архитектуру вычислений прямо на лету. Ему тесно в наших рамках.

В этот момент тяжелые двери зала с тихим шипением разъехались, и в проеме показался силуэт Марго. Свободный белый халат поверх джинсов, волосы небрежно перехвачены заколкой, в руке — планшет с мерцающими медицинскими логами. Как ведущий нейробиолог комплекса, она руководила лабораторией когнитивных интерфейсов этажом выше.

— Фауст, ради всего святого, что твои мальчики творят с напряжением? — с порога возмутилась она. Её уверенный, сильный голос разрезал гнетущую тишину. — У меня на третьем этаже во время калибровки томографов скачет частота сети. Вы что, майнить решили?

Она сделала несколько шагов к его консоли, но осеклась, заметив мертвенно-серебристый отсвет экранов на лице Яна и его застывший, безумный взгляд.

— Ян? Что случилось? — тон Марго мгновенно изменился на собранный, профессиональный. Она подошла ближе и заглянула в монитор.

— Мы поймали сигнал, Марго, — тихо, почти не разжимая губ, произнес Ян. — Или он поймал нас. «Артемиды-7» транслировала это с обратной стороны Луны. Посмотри на архитектуру. Ни одной лишней переменной. Идеальная математика.

Марго, привыкшая к сложнейшим томографическим картам мозга, всматривалась в пульсирующие узоры. Её хваткий ум мгновенно поймал странную, почти гипнотическую ритмику серебряных строк.

— Это не похоже на искусственный код, Ян, — нахмурилась она, чувствуя странный, липкий дискомфорт где-то на подсознательном уровне. — Структура... она фрактальная. Очень похожа на схему распределения синапсов в коре головного мозга в фазе глубокого сна. Словно этот код живой. Но плотность информации... Господи, наши машины не способны это читать.

— Машины — уже способны, — тихо ответил Ян, указывая на центральный экран. — Этот код только что перестроил комплекс под себя.

В этот момент «Артемиды-7» окончательно вышла из-за лимба Луны и пробила радиотень. Но вместо стандартного текстового лога новая система мгновенно развернула на мониторах общую интерактивную карту всех орбитальных объектов A.R.E.S. Серебряные нити чужого кода прошли всю спутниковую сеть агентства, объединяя её в единый, идеально сбалансированный организм.

И прямо в центре этого списка, среди работающих аппаратов, компьютер сам выделил жирной серебристой рамкой исследовательский спутник «Хронос-3». Полтысячи инженеров полгода назад признали его мертвым космическим мусором, но сейчас под его параметры загорелся новый статус: *«Канал связи доступен. Структура подсети готова к интеграции»*.

Чужеродный код не просто оживил компьютер Яна — он мимоходом просканировал ближний космос, нашел сломанный земной прибор и показал, что видит способ вернуть его к жизни.

Логика, на которую человечество тратило миллиарды долларов и десятилетия работы, была скорректирована неизвестным сигналом из глубокого космоса за несколько минут.

— Господи... — прошептала Марго, вцепившись пальцами в край операторского стола. — Ян, что это такое?

Ян нерешительно протянул руку к клавиатуре. Его пальцы зависли над клавишами, а затем быстро вбили короткий, прямой запрос: «Алгоритм устранения ошибки синтаксиса Хронос-3».

Монитор не вспыхнул готовым результатом. Вместо этого серебристые символы начали проступать на экране строчка за строчкой, сегмент за сегментом. Скорость была на пределе человеческого восприятия, но Яну показалось, что он может уловить эту безупречную логику патча. Он попытался вчитаться в первый блок, удержать в уме структуру второго, связать их с третьим...

Но объём входящих данных рос экспоненциально с каждой новой строкой. Математические абстракции чужого разума мчались сквозь его сознание, требуя слишком много синаптических связей. В ту же секунду в висках словно взорвались тысячи раскаленных игл. Серебряные полосы на экране смазались. Ян резко зажмурился, хватаясь за голову, а из левой ноздри на клавиатуру упала тяжелая темная капля крови.

— Так, всё! Хватит! Прекрати это немедленно! — Марго мгновенно среагировала, жестко перехватив его за запястье и силой оттолкнув кресло от терминала. — Питер, гаси монитор Фауста! Быстро! У него когнитивный перегруз, пульс под сто сорок, зрачки застыли. Ян, дыши глубоко. Смотри на меня. На меня смотри, чёрт тебя дерит!

Ян тяжело, рвано дышал, уставившись на Марго. В его глазах, помимо дикой боли, горел яростный, фанатичный огонь первооткрывателя.

— Марго... ты не понимаешь... там ответы. На всё. На тайну происхождения, на гравитацию, на сингулярность... Компьютер теперь может это переварить. А мой мозг... мой мозг слишком медленный, я не успеваю за ним!

— Скажи спасибо, что твой медленный мозг вообще остался внутри черепной коробки, а не вытек через уши, — сердито отрезала Марго. Её руки заметно дрожали, пока она вытирала кровь с его лица салфеткой. — Ты чуть не убил себя за секунду, Ян. Это не просто сигнал. Это оружие, к которому мы физически не готовы.

Она зло посмотрела на серебристые отблески, которые все еще пробивались сквозь соседние экраны. Марго еще не знала, что через несколько часов им обоим придется защищать эту «серебряную аномалию» на экстренном заседании директората A.R.E.S.

Глава 2. Протокол зачистки

Девять часов утра. Главный конференц-зал агентства A.R.E.S. был полон. Кондиционеры работали на максимуме, но воздух казался неподвижным и тяжелым. За длинным столом из темного дерева сидели директор Артур Боумен, трое представителей Пентагона во главе с хмурым генералом Миллером и ведущие технические специалисты Vanguard Defense.

Ян Фауст стоял у массивной трибуны. Его ладони, сжимавшие края деревянной панели, слегка подрагивали, а дыхание оставалось тяжелым, поверхностным. Ночной когнитивный удар оставил после себя тупую, пульсирующую боль в затылке, превращая каждый шорох в зале в сухой, бьющий по ушам звук. Рядом, чуть в стороне, сидела Марго. Как официальный врач миссии, она настояла на своем присутствии. Её пальцы побелели, мертвой хваткой вцепившись в подлокотник кресла; она с трудом сдерживала ярость, кожей ощущая направленную на Яна глухую враждебность зала.

— Это неприемлемо, Фауст, — директор Боумен устало потер переносицу, под глазами чиновника залегли глубокие тени. Он то и дело косился на экран своего зашифрованного смартфона: Вашингтон требовал объяснений, и кресло под Боуменом шаталось со страшной силой.

— Вы заперли главный сервер, объявили карантин и сорвали нам утренний отчет по программе «Артемиды». Генерал Миллер утверждает, что мы столкнулись с беспрецедентным киберударом. Военные требуют полной зачистки серверов и форматирования всех носителей.

— Это не взлом, господин директор, — Ян говорил тихо, преодолевая сухость в горле. — Ни одна разведка мира не способна написать алгоритм, который снижает энергопотребление кремниевого кластера почти на треть, заставляя обычные платы имитировать квантовые состояния. Этот код не разрушает систему. Он её исправляет. Он за считанные минуты видит логические ошибки, на поиск которых у наших институтов ушли бы годы.

— Слова, Фауст, одни слова, — генерал недовольно забарабанил пальцами по столу. — Любой сложный вирус может маскироваться под полезный софт. Мы не можем рисковать национальной безопасностью ради ваших математических восторгов. Через два часа мои люди начнут полную зачистку серверов комплекса. Вы отстранены.

— Генерал, вы совершаете катастрофическую ошибку, — Ян сделал шаг вперед, превозмогая вспыхнувшую боль в висках, но Миллер оборвал его тяжелым, ледяным взглядом.

— Ошибку, доктор Фауст, совершили вы, когда решили, что можете единолично копаться в аномалии такого масштаба, — жестко отчеканил Миллер, и в его голосе проступил металл. — Вы, ученые, вечно слепы в своем эгоизме. Вы думаете, что открыли новую физику, а на деле можете просто держать палец на чеке чужой гранаты. Мне плевать, чья это кибератака — Пекина, Москвы или частных корпораций. Если система вышла из-под контроля и диктует нам свои условия — для Пентагона это не объект исследования. Это вражеский плацдарм внутри нашей оборонной инфраструктуры. И я этот плацдарм выжгу до основания. Вместе со всеми вашими терабайтами.

Марго не двинулась с места, но ее взгляд, прикованный к Яну, стал предельно собранным. Как врач, она видела, чего ему стоит каждый шаг и каждое слово после ночного криза. Она знала, что генерал в своей прямолинейной логике по-своему прав — этот код пугал и ее саму.

Ян глубоко вздохнул, чувствуя, как легкие обжигает холодный воздух кондиционера. Он предвидел этот тупик. Повернувшись к консоли трибуны, Фауст вывел на большой экран конференц-зала интерфейс проекта «Хронос».

— Шесть месяцев назад, — спокойно произнес Ян, — наше агентство потеряло связь со стратегическим научно-исследовательским спутником «Хронос-3». Аппарат стоимостью в сотни миллионов долларов превратился в бесполезный кусок железа на орбите. Лучшие инже-

неры и подрядчики из Vanguard Defense полгода пытались реанимировать его. Итог — ноль. Спутник списан как космический мусор.

Директор Боумен нахмурился, генерал недовольно прищурился. Это была болезненная тема, ударившая по их репутации и бюджетам.

Ян нажал клавишу. На экране появилась схема распределения памяти бортового компьютера, отвечающая за ориентацию антенны.

— Физический износ кремниевой подложки и накопленная радиация заставляли центральный процессор спутника уходить в бесконечный цикл перезагрузки каждый раз, когда аппарат остывал при входе в тень Земли. Сбой заблокировал ядро системы. Полгода мы безуспешно пытались пробить этот аппаратный тупик.

Ян указал на цепочку из серебристых символов, мерцающих на соседней панели.

— Чужеродный массив сгенерировал лаконичный патч — алгоритм, который перестроил структуру команд в обход аварийного сектора памяти. Наша логика никогда бы не додумалась до такой архитектуры маршрутизации. Господин директор, «Хронос-3» в зоне прямой видимости. Разрешите отправить пакет данных. Прямо сейчас.

В зале повисла тяжелая, осязаемая тишина. Главный технический директор Vanguard Defense, сидевший в конце стола, презрительно усмехнулся:

— Доктор Фауст, при всем уважении, наши лучшие лаборатории полгода штурмовали этот протокол. Спутник заклинило намертво. А вы утверждаете, что какая-то случайная ночная аномалия решила эту задачу? Это абсурд. Мы просто выжжем оставшуюся электронику.

— Рискните, Артур, — тихо шепнула Марго со своего места, поймав взгляд Боумена. — Если Ян неправ, вы ничего не теряете. Спутник и так списан. Но если система сработает — агентство получит технологический приоритет, с которым военным придется считаться.

Боумен колебался несколько секунд. В зале, казалось, перестал работать кондиционер — тишина давила физически. Директор понимал: если патч сработает — это победа. Если нет — он просто потеряет то, что уже похоронено. Боумен отнял руку от телефона правительственной связи и тяжело кивнул главного оператору:

— Отправляйте. Частота шифрования «Альфа-9».

Оператор быстро перенаправил подготовленный массив Яна на передатчик. На вспомогательном экране загорелась шкала отправки импульса. Время пошло. Код улетел в небо. Доли секунды на подъем, секунда на обработку...

Экран телеметрии «Хроноса-3», который шесть месяцев горел холодным серым цветом, мигнул. Полоса сигнала резко дернулась вверх, сменив цвет на штатный зеленый. На мониторы комплекса лавиной хлынули данные: *«Система перезапушена. Энергосистема в норме. Антенна ориентирована на Землю. Готов к работе».*

Среди инженеров повисла мёртвая тишина. Представитель Vanguard Defense медленно опустил очки на кончик носа, тупо уставившись на безупречные телеметрические логи. Полгода его экспертных отчётов и заверений в том, что аппарат потерян навсегда, были перечёркнуты в один клик.

— Этого не может быть... — едва слышно пробормотал он, лихорадочно стуча по клавишам своего планшета. — Данные не бьются со стандартной логикой. Архитектура патча... она полностью игнорирует наши протоколы безопасности и циклы проверки данных. Система должна была уйти в критический сбой. Мне... нам нужно время. Господин директор, я требую тридцать минут на запуск наших независимых наземных станций. Мы должны перепроверить реальную работоспособность систем и убедиться, что это не симуляция.

— Спутник транслирует чистую метрику, Марк. Мы все это видим, — сухо отрезал Боумен.

Директор медленно поднялся с кресла, не сводя глаз с сигнала ожившего спутника. Генерал Миллер несколько секунд всматривался в безупречные телеметрические логи, затем хмуро

скользнул взглядом по Фаусту. Он медленно заблокировал экран своего тактического планшета, опустил его на стол и неохотно, едва заметно кивнул директору.

Они поняли. Этот серебряный массив на серверах Фауста всего несколькими строчками кода вернул им сотни миллионов долларов и стратегическое превосходство в космосе.

— Фауст... — директор Боумен с трудом сглотнул слюну, его голос стал хриплым. — Зачистка отменяется. Я даю вам официальный допуск. И ровно две недели. Вы и ваша группа изолируетесь в подземном секторе. Разберитесь, что это такое. Но учтите: код общается только через ваши запросы. Если вы сломаете эту штуку или упустите контроль... из-под земли вы больше не выйдете. Я лично запру двери.

— Мне хватит двух недель, — тихо ответил Ян, хотя внутри всё сжималось от понимания того, какую опасную дверь он только что открыл для человечества.

Глава 3. Формула Бога

Подземный сектор «Сигма» встретил Яна Фауста удушливой тишиной глубокого тыла. Сюда, на тридцать метров под бетонные перекрытия Хьюстона, не доносился шум неугомонного мегаполиса. Время суток определялось лишь мерным переключением ламп дневного света на потолке. Но для Яна внешнего мира больше не существовало. Весь его мир теперь сжался до размеров тридцатидюймового монитора.

Трое суток после совета директоров слились в одну бесконечную смену. Ян практически не вставал из-за стола — спина затекла, глаза резало от сухости, а во рту стоял стойкий химический привкус остывшего эспрессо. Его жизнь и раньше была подчинена строгой, почти аскетичной логике уравнений. У него не было близких друзей, а весь быт сводился к любимому горькому кофе и стопкам чистых листов бумаги. Ян фанатично ценил эти белые пространства. Для него они означали абсолютную свободу от рамок — здесь, в отличие от жесткого синтаксиса компьютерных программ, не было шаблонов, сеток и чужих правил. Мозг Яна работал быстрее кремниевых плат, и только физическое скольжение пера по бумаге успевало фиксировать нелинейные каскады его мыслей. Коллеги за глаза называли его вычислительной машиной, но в действительности он был творцом, который чувствовал себя в безопасности только там, где правил абсолютный порядок цифр. Реальный мир за пределами лаборатории казался ему слишком хаотичным, шумным и опасным.

Но то, с чем он столкнулся теперь, превосходило всё, что он знал о порядке.

Серебристый лунный код, изолированный на отдельном сервере, вел себя пугающе безупречно. Он не просто оптимизировал систему. Он словно перестраивал саму архитектуру мышления Яна.

Ян попытался запустить базовое ядро алгоритма — корневую директорию, которая, судя по всему, отвечала за моделирование межатомных квантовых связей и распада стабильных элементов. Он ввел команду на исполнение. Экран на мгновение замер. А затем аналитический центр наполнился нарастающим, надрывным воем кулеров. Индикаторы нагрузки суперкомпьютера мгновенно окрасились в багровый цвет. На графиках выросла вертикальная стена стопроцентной перегрузки. Температура ядер процессоров взлетела до критической. Система охлаждения работала на пределе возможностей, выбрасывая в помещение потоки горячего, пахнущего паленым пластиком воздуха.

Через тридцать секунд на экране вспыхнуло системное сообщение: «Критическая ошибка памяти. Вычисления остановлены для предотвращения разрушения оборудования».

Ян потер глаза и устало подумал: «Человечество уперлось в свой технологический предел. Физика кремния больше не выдает нужной скорости — транзисторы физически невозможно сделать меньше атома. Этот чужеродный код требует принципиально иной среды, а земная наука беспомощно застряла под своим „кремниевым потолком“. Самый мощный суперкомпьютер сектора „Сигма“ сумел развернуть лишь ничтожную, микроскопическую долю от общего массива данных — всего ноль целых, три десятых процента».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.